

Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение

МАРГАРИТА Н. КОЖИНА
(Пермь)

Понятия стиля и жанра, уходящие своими корнями в далекое прошлое, претерпевали в историческом процессе значительные изменения (хотя многие их признаки были определены еще в античности). Они весьма вариативны и в настоящее время в зависимости от того, в русле каких направлений науки и концепций они рассматриваются. Проследить эти изменения, выяснить их причины в диахронно-синхронной плоскости – задача весьма актуальная, так как это, по-видимому, способствовало бы более объективному определению инвариантов указанных понятий и “статуса” вариантов (в их соотношении) в филологической науке, в частности в лингвистике. О значимости подобного исследования говорят многие ученые (С.Гайда 1992, 1986, 1995, Й.Краус 1986, М.Бахтин 1979). С.Гайда, например, отмечает, что “до сих пор вопросы о сути жанра и его отношении к таким ключевым понятиям, как *язык, стиль, текст*, остаются дискуссионными” (1986: 23), а в другой работе говорит о необходимости и продуктивности изучения стиля и стилистики в историческом аспекте (1995).

Реализация сформулированной выше задачи может составить тему монографического исследования. В рамках же нашей статьи мы лишь пунктирно коснемся названных вопросов, фокусируя отдельные наиболее примечательные, на наш взгляд, признаки исследуемых понятий и аспекты их изучения.

Начнем с вопросов **стиля**.

В настоящее время этот термин-понятие, как известно, многозначен, он имеет более 6-7 различных значений. Но при этом наиболее употребительные и общезначимые, пожалуй, три: функциональный стиль (аспект лингвистики речи), стиль как наличие коннотаций у языковых единиц (аспект строя языка), стиль как сложившаяся в том или ином литературном направлении или свойственная какому-либо писателю манера выражения (аспект речевой, актуальный прежде всего для поэтики и литературоведения). Памятуя о других значениях и толкованиях термина (стиль как отклонение от контекстуально обусловленной нормы; экспрессивный стиль; стиль как продукт выбора и др.), сосредоточим внимание на первых трех понятиях. Какие черты (смысловые компоненты) этих понятий их объединяют (а также – разъединяют)? Когда и в связи с чем (в самых общих чертах) они складываются?

Прежде всего обратим особое внимание на то, что одно из значений термина *стиль* связано с аспектом структуры языка (его строем), два других с аспектом его употребления (в сферах речевого общения, т.е. выступает как речеведческое понятие) со всеми вытекающими отсюда последствиями: необходимостью учета адресата и двусторонности речевого акта, цели общения и деятельности и ряда других экстралингвистических факторов.

Понятие стиля, как известно, существует уже в древней Греции и Риме в связи с развитием риторики как искусства эффективного стилистически и логически изысканного выражения, которое позже становится учением об эффективной языковой коммуникации” (Краус 1981). Под стилем в античности прежде всего понимаются **качества** изящной речи (чистота, ясность, уместность, красота и т.д.). При этом – у Аристотеля, в частности, - формулируется необходимость учета цели высказывания, соответствия стиля содержанию и предмету речи (т.е., по нашему, учет экстра-факторов). Но для нас самое главное, что уже тогда стиль связывается с явлениями **речи**, употребления языковых единиц (“какие выражения должно употреблять в речи”, “употребление неподходящих метафор” – Аристотель, 1978). Апулей называет стилем **способ, характер изложения** мыслей; Тацит – **особенности слога произведения**, его литературную **манеру** (цит. по: Поспелов 1939: 40). Много позже в XVII в., Д.Тьебо (с именем которого связано рождение французской стилистики: выделение в

особую дисциплину учения о стиле) определяет стиль как “особую и постоянную **манеру выражать свои мысли**”, которая проявляется **выборе** порядка, в котором будут следовать эти мысли, в выборе связей..., выражений..., оборотов...” (цит. по: Безменова 1989: 177).

Не имея возможности последовательно в диахронии анализировать понимания термина *стиль* у разных авторов, отметим, что уже изначально и на протяжении многих веков стиль осмысливается как явление **речевое**.

Опираясь на пожелание, высказанное К.Гаузенбласом: сопоставить значение термина *стиль* в разных областях культуры и искусства с целью выявления общности черт соответствующего понятия (1967), проведем некоторые сопоставления. При этом выделяются следующие общие черты (смысловые компоненты понятия): яркая специфичность явления, своеобразие, особенность, характерность (характерологическая черта объекта), оригинальность, индивидуальность, отличительные черты объекта среди нескольких рядоположенных, манера (кстати, в словарях последнее дается как синоним слова особенность (м., например, Ожегов 1952).

Все эти характеристики понятия “стиль” (определяемые как синонимичные), конечно, чрезвычайно общи, но они позволяют выделить смысловое ядро понятия, общее для всех (или почти всех) употреблений соответствующего термина в синхронно-диахронном аспекте.

Особое внимание обратим на то, что эти характеристики выделяют **индивидуальность** объекта. Очевидно, не случайно, что в истории нового времени жизнь стилю как проявлению индивидуальности писателя дали романтики и именно с этого времени (развития романтизма) термин-понятие *стиль* (в России вначале *слог*) входит в широкий оборот поэтики, риторики, позже – лингвистики. Наличие своеобразия, индивидуальности (одно время толковавшееся как отклонение от жестких норм языка) – в широком смысле – является, очевидно, главным компонентом понятия (и явления) стиль.

Другим, в известном смысле противоположным, оказывается **нормативность**. Даже стиль (стили) романтиков не лишен этой черты. Однако баланс двух указанных черт по эпохам различен: они то как бы уравнивают друг друга, то вперед выходит и становится приоритетной одна из них. Например, в период классицизма (совпадающий и в России, и во многих европейских странах с

формированием литературных языков, признаком которых является норма) стиль жестко регламентирован, а в период романтизма, напротив, более свободен, своеобразен, индивидуален. Но тем не менее обе эти черты весьма значимы для понятия.

Очень хорошо эту проблему нормативности – своеобразности, индивидуальности стиля освещает Б.Гавранек: “Предположение о строгом единстве языковой структуры данного языкового целого отбросило бы нас к старому наивному пониманию языка как невелированного монолитного целого, к эпохе, когда все, что отклонялось от этого единства, рассматривалось просто как изъян (с известными последствиями при оценке и кодификации литературного языка, который все же мог рассматриваться во всех своих проявлениях как единый)” (Гавранек 1967: 434). И далее существенные дополнения к пониманию индивидуальности стиля (в лингвистике): “Ныне, чтобы избежать какого-либо недоразумения и говорить только об индивидуальном стиле, я бы заменил в этом определении термин *индивидуализирующий* словом *сингуляризирующий* и определил бы **стиль** следующим образом: **сингуляризирующая организация языкового выражения (высказывания) как единства**, конечно ограничив это определение только языковым планом”(438). Для нас важно и последующее уточнение: “Такая организация, как правило, не является исключительной, но подчинена обычаю и условностям, ибо ее типы, хотя и могут быть исключительными, но лишь в совершенно особом случае; чаще всего они подсказаны **обычаем**. Если такой тип обусловлен индивидуальным вкусом, то мы будем иметь дело с **индивидуальным (или субъективным) стилем речи**, если же он обусловлен **наиндивидуальным** вкусом, **условностью**, то и стиль можно назвать **условным (функциональным или объективным)**. Эти условности... зависят ... от направленности (**цели**) **высказывания**, его **типа... и ситуации**” (Гавранек 1967: 438). (Выделено – М.К.)

Еще далее раскрывается значение слова *условности* как **нормы** и формируется основополагающее для функциональной стилистики XX в. положение о том, что функциональный стиль – явление речевое (хотя, например, в советской стилистике одно время остро дискутировался вопрос: языковое или речевое явление функциональный стиль, даже в монографии В.В.Одинцова последний называется языковым, хотя все же в конечном счете возобладало понимание – функциональный стиль **речи**). Б.Гавранек пишет:

“функциональный” стиль, хотя он и определяется условностями (нормами), оформленными в соответствующем говорении (речи), ни своей формой, ни своей ролью не влияет на функциональное расслоение литературного языка, ибо это **тип организации языковых выражений**” (Гавранек 1967: 439). Заметим, что хотя функциональный стиль по определению Б. Гавранка – это стиль объективный, однако каждый из функциональных стилей обладает своей индивидуальностью, так что последняя черта ему не чужда. Недаром, в определении стиля В. В. Виноградова (1955) присутствует этот момент. Оговорим здесь также, что при наличии в русистике разных (вариативных, но в принципе однозначных) формулировок понятия “функциональный стиль”, очевидно, удачнее – в аспекте наших здесь рассуждений – та, которая начинается со слов: “Ф. стиль – это **своеобразный характер речи** той или иной ее социальной разновидности...” (Кожина 1993: 51).

Нельзя не вспомнить справедливое утверждение М. М. Бахтина о том, что стиль (как и высказывание) – явление именно речевое (точнее – речевого общения), но не языковой системы, свойственное высказываниям, создающееся именно в них: “экспрессивная сторона языковых единиц – это не аспект системы языка” (264); “экспрессивность отдельных слов не есть свойство самого слова как единицы языка и не вытекает непосредственно из значений этих слов” (Бахтин 1979: 269); “сам язык и его значащие единицы – слова и предложения – по самой природе своей лишены экспрессии” (270). Приведем, кстати, и такое высказывание ученого: “Высказывание (произведение) как **неповторимое**, исторически единственное **индивидуальное целое**. Это не исключает... композиционно-стилистической типологии речевых произведений” (Бахтин 1979: 307). (Выделено нами – М. К.)

В плане языковой/речевой природы стиля и его нормативности/индивидуальности отметим, что приоритет первых компонентов в балансе названных существенных черт стиля наиболее явно представлен в период классицизма с его жесткостью норм и ограниченностью совокупностей языковых средств, строго соответствующих тому или иному “штилю” (стилю). В России, например, это последний период в истории русского литературного языка, когда для того или иного стиля имелась более или менее полная система языковых единиц (точнее все же – совокупность) одной, общей

для них, стилистической окраски. Позднее это подобие стилистической системности в языке (строе языка), как известно, разрушилось, сохранившись лишь в осколках.

Кроме того, отметим, что “три штиля” – это явление и понятие не только лингвистическое, но и литературоведческое (поэтики).

Выше мы сосредоточили внимание лишь на двух аспектах стиля (языка/речи и индивидуальности/нормативности), поскольку они будут рассматриваться в связи с понятием жанра. Если же определять более полно параметры стиля, то следует отметить еще ряд его существенных черт. А именно: **стиль** – это специфически человеческое явление, очевидно, точнее: явление **человеческой культуры**; стиль связан с проявлением деятельности человека, в том числе **речевой деятельности и общения** людей, и, следовательно, с выражением **цели**; это, таким образом, явление **социальное** и значит **диалогическое** и, кроме того – **историческое**; поскольку деятельность, в том числе речевая, происходит в разных **ситуациях** и **сферах**, сопровождающихся различными целями, последние влияют на особенности организации речи, ее структуры. Человеческая деятельность **осознанна**, это качество свойственно и стилю речи; поскольку сознание “выступает” в таких разных и специфических формах, как наука, политика, право, искусство и др. (связанных с деятельностью), то это, естественно, накладывает печать на характер речи (специфика соответствующих речевых разновидностей – функциональных стилей – проявляется именно в специфическом для каждого из них характере речевой системности). Формирование стиля в речевой деятельности происходит в результате постепенно складывающихся принципов отбора (выбора) языковых средств и способов их комбинации (большей или меньшей степени нормативности), призванных “обслуживать” как указанные сферы общения, так и разные функции языка, а также – ситуации общения и отношения между участниками общения (“фактор говорящего”, “фактор слушающего”), кроме того – разновидности родов и жанров литературы и т.п. Как отмечалось, стили могут быть более или менее индивидуальными, как и большей или меньшей степени нормативности, и надиндивидуальными.

В результате функционирования языка в социокультурном и историческом пространстве формируется и откладывается в системе языка и в языковом сознании говорящих (вспомним Соссюра: “факт речи предшествует факту языка”) стилистический фонд языка – в виде

стилистических окрасок и значений, стереотипов выражений, придающих высказываниям желаемые (целесообразные предмету речи, содержанию, целеполаганию) качества речи, в том числе удовлетворяющие интенциям говорящих. Таким образом, создается потенциальный стилистический фонд языка, который позволяет, после овладения им (приобретения навыков владения им) реализовать общение не только в обиходной сфере, но и в широком спектре социокультурной деятельности людей.

* * *

Проблемы **жанра**, обычно так или иначе в связи с проблемой стиля, широко представлены в литературе. И тем не менее вопрос этот остается открытым, далеким от завершения и вместе с тем актуальным. М.М.Бахтин в свое время отмечал: "Изучение природы высказывания и многообразия жанровых форм высказываний в различных сферах человеческой деятельности имеет громадное значение для всех почти областей лингвистики и филологии" (1979: 240) и особенно подчеркивал значимость этого для стилистики. Трудности рассмотрения проблем жанра (тем более в соотношении со стилем) усугубляются многообразием определений жанра (как и стиля) и наличием различных аспектов его изучения, которые порой не разграничиваются исследователями.

Наиболее распространенное и традиционное понимание жанра (от фр. *genre* – род, вид) – это "**род произведений или исполнения в области какого-либо искусства, отличающийся определенными сюжетными и стилистическими признаками**" (*Словарь* в 17 тт., 1955: 28) или более развернутое и специализированное (литературоведческое) толкование: это "исторически складывающийся тип лит. произведения; в теоретич. понятии о Ж. обобщаются черты, свойственные более или менее обширной группе произв. к-л эпохи, данной нации или мировой литературы вообще" (*Кр. лит. энц.* т.2, 1964: 914). При этом, например, Ст. Гайда справедливо предлагает различать три значения термина "жанр": как "элемент действительности" и, следовательно, как "факт общественного сознания" и как "инструмент научного познания". Иначе говоря, "следует различать жанр как текстовой феномен (объект познания), жанровое название (например, *роман, статья, беседа* и др.) и жанровое понятие (обиходное, соответствующее сознаваемой части жанровой концепции, составной части

общественного языкового сознания, и научное, создаваемое в генологических теориях). – (Гайда 1986: 23). Наконец, основанное на концепции речевых жанров М.Бахтина, такое определение: “Жанр - **форма организации речевого материала**, выделяемого в рамках того или иного функционального стиля, **вид высказываний**, создающихся на основе устойчивых, повторяющихся, т.е. воспринимаемых моделей и структур в речевых ситуациях, где имеют место хоть сколько-нибудь устойчивые, закрепленные бытом и обстоятельствами формы жизненного общения” (*Педагогическое речеведение. Словарь справочник*. 1998: 56). (Выделено нами – М.К.)

Уже эти определения, при наличии в них общего смыслового ядра, различаются в ряде отношений, важных для нашего последующего рассмотрения (см. выделения в цитатах). Оставляя в стороне общее искусствоведческое определение термина *жанр*, остановимся на двух – литературоведческом (связанном со стилистическим аспектом) и лингвистическом как основных для нас. Оговорим, однако, прежде всего то, что в истории применения этого термина известны случаи его использования в качестве номинации родовых и видовых уровней деления форм искусства и литературы, так что термины *жанр*, *род*, *вид*, *разновидность* и даже *стиль* употреблялись один вместо другого. (Ср. и в современном 17 томном *Словаре* второе значение слова *жанр*, определяющееся как стиль, манера). В историческом плане следует отметить и то, что в разные эпохи жанровое членение литературы и искусства было различным: от первоначального жанрового синкретизма и еще достаточно нечеткого различения границ жанров в эпоху Возрождения до, напротив, жесткости их разграничения и требования чистоты жанра в 17-18 вв. в период классицизма; с 19 же века идет процесс взаимодействия жанров.

При широком понимании стиля как общепринятой манеры речи, способа ее исполнения в типизированных литературных текстах, свойственных тому или иному литературному направлению (романтизм, реализм), жанр рассматривается как *одна из форм* стиля; аналогична и квалификация соотношения этих понятий применительно к творчеству писателя (напр., стиль Лермонтова предстает в различных жанрах его произведений: стансы, баллада, послание и т.д. Все они развиваются в пределах лермонтовского стиля). А.Цейтлин, например, пишет: “Координирование ... стиля и жанра необходимо. Не постановка между ними знака равенства... (напр., у П.Н.Сакулина),

не поглощение стиля жанром, как того требуют формалисты, а подчинение жанра стилю является неотложной задачей (...), должно выявить характерные черты жанра как одной из сторон стиля" (Фриче). Жанр входит в систему стиля. Стиль любого писателя включает в себя многие жанры" (Цейтлин 1930: 121).

В этом высказывании достаточно полно представлены различные точки зрения на соотношение стиля и жанра, известные в истории литературоведения нашего века: отождествление (неразличение) стиля и жанра; поглощение стиля жанром, приоритет последнего и, напротив (приоритет стиля, подчинение жанра стилю, определяющая роль стиля). При этом жанр трактуется либо как одна из сторон стиля, либо как часть последнего.

Там же далее следующим образом рассматривается соотношение понятий стиля и жанра: "Жанры эти [в творчестве одного писателя] неотрывны друг от друга, ибо представляют собой различные стороны одного литературного стиля"; "стиль поэта представляет единство литературных жанров"; "для известных стилей характерны известные жанры", а "во всяком жанре сказывается **господство** тех или иных стилей"; "поэтический стиль **не** может оформляться вне жанра"; "Жанр... представляет собой конкретную и частную **форму стиля**"; "Вот почему... принципом рассмотрения жанра являются **не** поэтические **роды...**, не внутренняя форма, а литературный **стиль**, придающий жанру внутреннее органическое единство и целеустремленность" (Цейтлин 1930: 122).

Здесь ярко акцентируется связь и взаимозависимость стиля (в одном-двух значениях термина) и жанра, действительно существующая между ними, но вместе с тем и как бы приоритетность, определяющая роль, "господство" стиля над жанром, а также по существу отождествление стиля и жанра, когда последний рассматривается как часть определенного стиля (как частная форма последнего).

Не разделяя одни из указанных позиций (отождествление стиля и жанра; понимание жанра как части или формы стиля) следует согласиться с другими. Например, с бесспорной взаимосвязью и взаимодействием стиля и жанра, их единством, представленном в реальности речи. Конечно, стиль – в смысле манеры речи, свойственной писателю или литературному направлению – проявляется так или иначе в произведениях различных жанров (этого

писателя, направления). Однако и требования каждого жанра обуславливают соответствующий стиль. При этом сами понятия стиля и жанра не могут находиться в родовидовых отношениях (как неоднородные). Вернее все же считать, что жанр определяет стилевые особенности речи. Но эта зависимость более явно прослеживается в одних жанрах (напр., басня, фельетон, анекдот) и менее – в других (ср., напр., стилевое многообразие реалистического романа). В конечном счете все зависит от авторского замысла и коммуникативных целей произведения. Таким образом, стиль и жанр – это взаимосвязанные компоненты художественного целого, каждый со своим назначением.

В.Кожин отмечает, что хотя “многообразие и взаимопересечение принципов деления ведет к спорам в теории жанров” и что “неясен иногда сам вопрос, является ли жанр категорией содержания или категорией формы” (1964: 915), однако бесспорно, что любой жанр “есть конкретное единство особых свойств формы в ее основных моментах – своеобразной композиции, образности, речи, ритма”. Последнее близко пониманию жанра М.Бахтиным. Общеизвестно, что жанр – это не случайная совокупность черт, но “проникнутая художественным смыслом система компонентов формы”, которая уже в своей архитектонике определила... конкретный художественный смысл” (там же, 915). Таким образом, можно говорить о содержательности жанровой формы (ср. напр. сонет). При этом жанр как **тип** произведения есть образование исторически **устойчивое**, хотя последний признак нельзя и абсолютизировать и забывать “об индивидуальном жанровом своеобразии каждого отдельного произведения” (Кожин 1964: 916). Известно, что одни лит. жанры более устойчивы и неизменны и являются “долгожителями” (напр. басня), другие своим существованием связаны с определенной эпохой и литературным направлением (напр. ода, эпическая поэма для классицизма; элегия, лирическая поэма, баллада - для романтизма и т.д.).

Итак, обобщенно говоря, жанр в литературоведческом значении термина – это род или тип (типизированная разновидность) литературных произведений, отличающийся единством компонентов содержательной формы (системным единством содержания, своеобразной композиции, стиля, образности и т.д.), а также устойчивостью, типизированностью этого образования (структуры,

модели), его нормативностью при возможности индивидуального варьирования. Причем среди компонентов жанра весьма значимым является и **объем** произведения, находящийся в тесной взаимосвязи с содержанием произведения (нельзя романное многоаспектное содержание выразить в форме лирического стихотворения, и, напротив, интимно-элегические мотивы в объемной и тем более прозаической форме и т.п.). То и другое вызывает определенную систему средств (образности, характера речи и т.д.). Именно системное единство всех компонентов жанра, куда входит и объем произведения, сближает понятия стиля и жанра. При этом уже в замысле автора осуществляется как **выбор** жанра, так и **выбор** стиля – фактор, обобщенно характеризующий оба понятия и связывающий их.

Особо отметим – в плане соотношения понятий стиля и жанра – аспект наличия у них “черт” **нормативности**, а значит – устойчивости, и **индивидуальности** (своеобразия, неповторимости). Выше подчеркивалось, что именно специфичность, индивидуальность, характерность, своеобразие являются общими определяющими чертами понятия “стиль”, и что, напротив, нормативность (хотя и свойственная стилю) является как бы вторичной и выступает чаще в аспекте вариативности. При этом под индивидуальностью стиля имеется в виду не только проявление своеобразия речи автора, но и специфичность какой-либо одной стилевой разновидности (напр. функционального стиля) по сравнению с другими, как неповторимость черт одного функционального стиля, его речевой системности в другом (в другой сфере). Для жанра же, как мы видели, определяющим является признак “типичности” (“типологичности”) – это тип текстов, а отсюда **устойчивости и нормативности**. Иначе говоря, баланс рассматриваемых черт – индивидуальности и нормативности – в анализируемых понятиях (и явлениях) различен. И это, думается, может служить одним из разграничительных признаков при сопоставлении этих понятий.

Следует особо подчеркнуть **принципиальную** стандартизованность, стереотипность как одно из определяющих свойств жанра, связанное с его нормативностью. Тот или иной конкретный жанр (произведение какого-либо жанра при его производстве) всегда ориентируется на образец, на определенную его модель, хотя это, конечно, не “закрывает” возможностей индивидуальных преобразований жанровой формы в конкретных произведениях.

Таковы в самых общих чертах основные признаки литературного жанра (в поэтике) и его соотношение с понятием “стиль”.

Мы довольно подробно (с учетом объема статьи) остановились на характеристике литературного жанра, поскольку, во-первых, он традиционно связывается со стилем (в том числе и лингвистическим): во-вторых, в рассматриваемое далее понятие “речевой жанр” (по Бахтину) включаются, как известно, и литературные жанры.

* * *

Однако от собственно литературоведческого понятия “жанр” (или – понятия поэтики) *следует отличать понятие лингвистическое*, именуемое термином *речевой жанр* и представленное прежде всего в концепции М.М.Бахтина, который определил принципиально иной подход к проблеме жанра и принципиально иные его характеристики. Учитывая, естественно, наработки литературоведения и беря во внимание наличие литературных жанров (в качестве вторичных), М.М.Бахтин развивает другую концепцию, нежели известную в традиционной генологии. Он рассматривает проблему жанра в собственно лингвистическом ключе, а точнее сказать (пользуясь современным термином) – речеведческом, в плане лингвистики речи, речевого общения. Ученый, выдвигая и обосновывая проблему речевых жанров, подходит к последним, как известно, в аспекте теории высказывания как единицы речевого общения и деятельности. При этом он последовательно и строго различает единицы языка (слово и предложение) и единицы речи (высказывание) и считает недопустимым взаимозамену указанных терминов как принципиально различных.

М.М.Бахтин отмечает, что предложение (в отличие от высказывания) лишено способности воплощать замысел и цели говорящего, ему не свойственна обращенность и адресованность к кому-либо, оно “лишено способности определять ответ” (Бахтин, 1979: 252. Далее страницы при цитатах из Бахтина даны по этому изданию), оно “как единица языка имеет **грамматическую** природу, грамматические границы” (253). Высказывание же, по Бахтину, обусловленное “сменой речевых субъектов” (249), “с самого начала строится с учетом ответных реакций” (275), ему свойственна обращенность к кому-либо и адресованность” (275). (Выделено нами – М.К.)

Строго различая аспекты языка и речи (речевого общения), М.М.Бахтин считает, что отношения, существующие между репликами диалога в реальном общении, “невозможны между единицами языка” (250), “высказывание предполагает других говорящих... эти отношения... не поддаются грамматикализации” (250). Именно **высказывание**, как известно, М.Бахтин считает **единицей речевого общения**: “Использование языка осуществляется в форме высказываний... участников... человеческой деятельности” (237); “речь всегда отлита в форму высказывания” (249).

Сказанное касается и стилистико-экспрессивных средств: “эмоция, оценки, экспрессия чужды слову языка и рождаются только в процессе живого употребления в конкретном высказывании” (266); “значение слова само по себе внеэмоционально” (266); “предложение как единица языка нейтрально и не имеет само по себе экспрессивной стороны; оно получает ее... только в конкретном высказывании” (264). И еще одно существенное замечание: “На предложение нельзя дать ответ. Только высказывание обрaмлено и отграничено сменой речевых субъектов и оно непосредственно отражает словесную действительность (ситуацию). На такое высказывание можно ответить” (262).

В качестве определения понятия “речевой жанр” у Бахтина выступают следующие формулировки: “существующие в каждой сфере общения относительно **устойчивые типы... высказываний... мы называем речевыми жанрами**” (237); речевые жанры, по Бахтину – это “относительно **устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний**” (241-242). Значимость их, согласно учению Бахтина, в том, что именно они обеспечивают речевое общение, единицами которого и являются. Автор замечает: “Мы говорим только определенными речевыми жанрами” (257); “Эти речевые жанры даны нам почти также, как нам дан родной язык” (257); “Научиться говорить – значит научиться строить высказывания” (257); “Если бы речевых жанров не существовало и мы не владели ими; если бы нам приходилось их создавать впервые в процессе речи, свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение было бы почти невозможно” (258).

Как видим, в жанровой концепции Бахтина, понятие (и явление) жанра существенно отличается от традиционного, или литературоведческого, хотя, как известно, автор включает в число

жанров не только простые реплики диалога от однословных высказываний, но и целые произведения, называя их также высказываниями (роман, научный трактат и т.д.). В число речевых жанров (РЖ) он включает как простые, или первичные, так и сложные, или вторичные (литературные жанры).

Но в чем же главное принципиальное отличие РЖ (в бахтинском понимании) от литературоведческого, да и вообще традиционного, понятия “жанр”? У Бахтина это не просто тип однородных (или одновидовых) произведений литературы, а **реплика**, целое высказывание **в диалоге** (даже когда имеется в виду роман, повесть и т.д.). Он рассматривает РЖ в аспекте речевого общения – как факт социального взаимодействия людей, как соотношение и взаимодействие смысловых позиций. Именно **диалогичность** является определяющим признаком речевого жанра у Бахтина как **единицы речевого общения** и деятельности людей. Отсюда проистекают все другие признаки РЖ (целесообразность, завершенность, связь с определенной сферой общения и т.д.) в том числе и отличие с традиционным понятием литературного жанра (типизированность формы, и отсюда достаточная устойчивость и нормативность, единство тематики, композиции, стиля). Так, М.Бахтин отмечает, что РЖ по сравнению с формами языка “гораздо более изменчивы, гибки..., но для говорящего они имеют нормативное значение, **не создаются** им, **даны** ему” (260); “высказывание нельзя считать совершенно свободной комбинацией форм языка”, это “относительно устойчивые и **нормативные** формы высказываний” (260); РЖ – это “**типовые** модели построения речевого целого”(307).

Именно определяющий принцип диалогичности, взаимодействия с адресатом (а не только воздействия на него) и речеведческий (а не лишь системно-языковой, грамматический) подход к изучаемому объекту и толкованию понятия РЖ заметно, – если не сказать существенно, – отличает концепцию М.Бахтина от учения представителей теории речевых актов; тем самым препятствует безоговорочному отождествлению РЖ с РА (речевым актом), как это наблюдается в литературе. Не имея возможности (по мотивам объема статьи) подробно анализировать этот вопрос, приведем все же для подтверждения нашего мнения два-три высказывания специалистов на этот счет. Итак, отметим, что при всем стремлении проникнуть в специфику живой речи при определении РА представители теории

речевых актов –ТРА – (прежде всего Серль, Остин и др.) все же имеют в виду отдельные реплики и аспект воздействия говорящего на слушающего. Принципиально же социолингвистический взгляд на проблему РЖ у Бахтина предполагает рассмотрение речевого общения именно как взаимодействия, т.е. в ключе собственно диалогических отношений. Отсюда и подчеркивание автором существенных различий между единицами языка и высказыванием как единицей речи.

Между тем в теории речевых актов, как справедливо отмечают исследователи, “в качестве единицы, служащей объектом анализа выступает лишь **отдельное высказывание...** как правило, **вне диалога**, и содержание анализа зачастую не учитывает всего многообразия факторов реального общения” (Городецкий, 1986). Другая аналогичная точка зрения: “Даже если мы предположим, что теория речевых актов рационально воспроизводит некоторые важнейшие типы вербальных актов, **это еще не дает права считать ее адекватной теорией взаимодействия.** Человеческое общение является взаимодействием в более фундаментальном смысле”... (Франк 1986: 364) (В цитатах подчеркивания наши – М.К.). Отсюда, собственно, налицо в теории речевых актов грамматический (а не речеведческий) аспект РА, что отмечает, в частности, и А.Вежбицка: “речевой акт”... **мнимый** продукт высвобождения прагматики из жестких рамок “мертвого” грамматического описания, а по сути пересечение чисто грамматического понятия “предложение” – с... понятием вербальной интеракции людей” (Вежбицка 1997: 100).

Между прочим, М.Бахтин, акцентирует вопрос о различиях диалогичности как взаимодействия разных субъектов речи и простого реплицирования в диалоге разговорной речи: “... высказывание как механическая реакция и диалог как цепь реакций (в дескриптивной лингвистике и у бихевиористов) эта точка зрения (хотя и правомерная) **не задевает сущности высказывания** как смыслового целого” (302).

Интересующий нас вопрос о взаимодействии жанра и стиля (даже более - проблемы РЖ и стилистики) представлен и в работе М.Бахтина (кстати, в отличие от работ по РА). Прежде всего стиль называется среди основных компонентов РЖ, поскольку, напомним, РЖ – есть единство тематическое, композиционное и стилистическое; “стиль входит как элемент в жанровое единство высказывания” (242); при этом у Бахтина в соотношении рассматриваемых нами понятий, все же приоритетное значение придается жанру, так как, по мнению автора,

изучение стиля “будет правильным и продуктивным лишь на основе постоянного учета жанровой природы языковых стилей и на основе предварительного изучения разновидностей речевых жанров” (242). Этот вопрос автор затрагивает и в историческом аспекте: “Отрыв стилей от жанров особенно пагубно сказывается при разработке ряда исторических вопросов. Исторические изменения языковых стилей неразрывно связаны с изменениями речевых жанров” (242-243). Причем в отличие от приведенных выше мнений некоторых литературоведов о реализации одного стиля (писателя, направления) в разных жанрах, М.Бахтин более тонко и диалектично решает этот вопрос: “Переход стиля из одного жанра в другой не только меняет звучание стиля в условиях несвойственного ему жанра, но и разрушает или обновляет данный жанр” (244). В итоге же - неразрывное единство стиля и жанра: “Где стиль, там жанр” (244). (Между прочим, о связи стиля с жанром говорил еще Аристотель: “Каждому роду речи соответствует особый стиль. Стиль речи письменной..., речи полемической...” 1978: 149).

Последовательно различая аспект строя языка и речи, М.Бахтин и стиль рассматривает в этом плане, считая его явлением речевым, а не системы языка, причем связывает его (стиль) опять-таки с жанром: “...типическую (жанровую) экспрессию можно рассматривать как “стилистический ореол” слова, но этот ореол принадлежит не слову языка как таковому, а тому жанру, в котором данное слово обычно функционирует. Это отзвук жанрового целого, звучащий в слове” (267).

Для стилистики существенно то, что уже в ранних своих работах М.Бахтин по существу определил такой экстралингвистический фактор функционального стиля, как форму общественного сознания, называя его – в духе своего времени – идеологией (наука, искусство, религия и т.д. - Бахтин 1993: 8 и др.). В работе о проблемах речевых жанров автор связывает многообразие жанровых форм с тем или иным функциональным стилем; он пишет: “Органическая, неразрывная связь стиля с жанром ясно раскрывается и на проблеме языковых, или функциональных, стилей. По существу... функциональные стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы...” (241). В связи с этим, отмечая случайность классификаций стилей в

языкознании 50-х гг., М.Бахтин считает одной из значимых исследовательских задач создание “продуманной классификации речевых жанров по сферам человеческой деятельности” (242). Вопрос этот остается актуальным до настоящего времени (Попутно заметим, что, к сожалению, в современном жанроведении стилистический аспект РЖ представлен явно недостаточно).

Другой, может быть, еще более важный вопрос – при этом и более сложный и существенный для самой проблемы определения понятия “речевой жанр” (а также соотношения его с понятием “речевой акт”) – это вопрос о первичных и вторичных РЖ, наименее исследованный до настоящего времени. Между тем, в бахтинской концепции он один из центральных вопросов, “очень важный для стилистики” (242).

Понимая РЖ, как известно, очень широко (в том числе в плане объема, протяженности высказывания) – “нужно подчеркнуть крайнюю *разнородность* речевых жанров”: от короткой (в том числе однословной) реплики до многотомного романа, научного трактата (237-238) – автор дает для будущих исследователей три основных ориентира. Он говорит о 1) “**существенных различиях** между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами”, отмечая, что вторичные РЖ “возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого культурного общения – художественного, научного, общественно-политического и т.п.” (239); о том, что 2) “**первичные жанры, входящие в состав** сложных, **трансформируются** в них” (239); что 3) “**односторонняя ориентация на первичные жанры неизбежно приводит к вульгаризации всей проблемы**” (замечая, что “крайняя степень” подобного – это “бихевиористическая лингвистика”). Таким образом, “различие между первичными и вторичными (идеологическими) жанрами чрезвычайно велико и принципиально” (239; подчеркивания в цитатах наши – М.К.)

Объединение под одной “крышей” первичных и вторичных РЖ закономерно с точки зрения общей позиции речевого общения (принципов взаимодействия и диалогичности речи, в широком смысле). Однако с этих позиций не все ясно в связи с другими сторонами определения РЖ как типической формы высказывания, представляющего единство тематическое, композиционное и стилистическое. Например, по отношению к однословным высказываниям вряд ли можно говорить о композиции; кроме того, **стихийность**, широкая стереотипность, даже клишированность многих

высказываний (особенно этикетных) в ходе реплицирования в разговорной речи трудно сопоставима и с продуманной композицией, стилем, подготовленностью целого художественного или публицистического произведения. Справедливое в отношении первичных РЖ утверждение, что “мы говорим высказываниями” вряд ли справедливо в отношении вторичных РЖ и уж, конечно, не может пониматься буквально и требует корректировки. Это касается и стиля (в другом отношении): если в однословном высказывании стиль может проявляться через **языковую** окраску соответствующей единицы, то иное дело – в сложных РЖ.

Далее. Можно ли говорить, что, первичные жанры **входят** в состав сложных, например романа, монографии (даже с учетом их преобразования и трансформации? И в какой степени во вторичных жанрах (по тексту) представлены первичные жанры? Только ли из первичных жанров состоит текст вторичного РЖ? Эти вопросы требуют дальнейшего анализа и ждут ответа.

* * *

Однако, еще больше трудностей возникает в методическом аспекте. Принимая бахтинскую теорию РЖ, сравнительно просто анализировать собственно первичные РЖ в диалогической разговорной речи; значительно сложнее – в целом художественном произведении (правда, здесь широко используется диалогическая речь и разного рода формы чужой речи, несобственно-прямая речь; кроме того, М.М.Бахтин в ряде работ дал прекрасные образцы анализа литературных произведений, в том числе и в указанном аспекте).

Однако изучение других разновидностей текстов (функциональных стилей) с позиций теории РЖ вызывает большие затруднения. Очевидно поэтому их анализ почти не представлен в жанроведении.

Особенно сложен для изучения вопрос о “вхождении” первичных жанровых форм высказываний во вторичные на материале **научных** текстов (несмотря на диалогическую природу научного творчества и широкую стереотипичность научного стиля), в частности, вопрос о границах высказываний, связываемых Бахтиным со сменой субъектов речи. Собственно говоря, эти два момента – **диалогичность** и **смена субъектов речи** (естественно, не вызывающие никаких затруднений при анализе разговорной речи и диалогов в художественных произведениях) создают особые исследовательские трудности при анализе

научных текстов. Вероятно, поэтому данный аспект элиминируется исследователями прозаического текста монологического (внешне) характера.

Выскажем некоторые наши соображения и представим кратко возможные и недавно появившиеся варианты анализа научных текстов с точки зрения учения о речевых жанрах.

Бесспорно, весьма продуктивным должно быть исследование научных текстов в этом плане с привлечением некоторых текстовых категорий, в том числе функциональных семантико-стилистических категорий – ФССК – (см. Кожина 1987, 1989), например, диалогичности и гипотетичности, а также с позиций динамики старого (предшествующего) и нового знания, реализации в тексте развернутых вариативных повторов (Данилевская 1992) и нек. др. (о чем – ниже).

Собственно, ФССК диалогичности – это такая лингвостилистическая категория, через которую и реализуются в тексте диалогические отношения субъектов речи (и познания) в коммуникативно-познавательном процессе. Но наличие диалогических отношений речевого общения и деятельности – это, по Бахтину, существенный признак высказывания и РЖ. Поэтому анализ текста (в данном случае научного) через призму ФССК диалогичности – это наиболее эффективный способ анализа самого научного текста в указанном плане и критерий определения границ одних первичных РЖ от других, т.е. отдельных первичных высказываний в составе вторичных (произведений как целых высказываний), а также их функционирования в последних.

Хотя научная речь обычно считается монологической (считалась до недавнего времени), однако в действительности не только в рецензиях и обзорах, но и в трудах теоретического характера широко представлен диалог тех или иных точек зрения, слышатся голоса различных ученых (как предшественников, так и современников автора). При этом налицо разговор не только двух ученых-двух мнений, но и трех и более – полилог. Точки зрения могут либо поддерживать и подтверждать одна другую, либо критиковать и эксплицировать свое особое мнение. Этот диалог идет прежде всего между автором текста и другими учеными и, конечно, - автором и читателем.

Как известно, разновидности диалогичности в научной речи и ее функции различны (диалог-спор, диалог-унисон, вопрос-ответ,

побуждение-ответная реакция; информативный диалог, диалог, развивающий тему, обозначающий переход к новой теме и др.).

Самый явный, лежащий на поверхностном уровне случай этой диалогичности (и соответствующего анализа) – это явление цитации при столкновении разных мнений (чужих авторов, либо цитируемой и авторской точек зрения, а также прямые обращения к читателю, разговор с ним). (Кожина 1986, *Очерки...*1998)

Тут главный, по Бахтину, принцип определения границ высказывания – смена речевых субъектов – налицо и четко обозначен.

Не имея возможности (по соображениям объема статьи) анализировать здесь сколько-нибудь подробно материал, представим лишь несколько примеров (сокращая текст цитат): “Можно привести много авторитетных высказываний, показывающих, что дело обстоит совсем не так, как изображают его А.Д.Наседкин и П.В.Чесноков. Нормальный человек – говорит И.П.Павлов – хотя он и пользуется вторыми сигналами... будет пользоваться... только до тех пор, пока...”. “Во всякое понятийное обобщение – замечает С.Л.Рубинштейн – как правило включается чувственная генерализация...” (Серебренников, 82-83).

При этом могут быть не только цитаты, но и косвенная речь и ссылочное введение чужого мнения: “... Отражение, по их мнению, связано с ... Данная точка зрения, на наш взгляд, не является правильной” (Шептулин).

Нередко в диалогической речевой цепи совмещается спор и унисон: В литературе имеются различные точки зрения по этому вопросу. Одни авторы заявляют, что... Другие возражают против этого... Первой точки зрения придерживаются... Н.П.Антонов, М.П.Лебедев и др., второй – С.Рубинштейн. “Сознание – пишет Н.П.Антонов...” “И.П.Павлов – рассуждает М.П.Лебедев, выражая аналогичную мысль – рассматривал деятельность как...”. Критикуя сторонников данной точки зрения, Л.Рубинштейн пишет: “Противоположность субъективного и объективного ...”. Какая же из двух точек зрения правильна? Ближе к истине, на наш взгляд, первая... (Шептулин); Несмотря на генетическое и формальное родство, система языка – это одно, а система речи – другое. По Виноградову, система языка и система текста – это взаимосвязанные, но разные системы “каждая со своей организацией” (Сидоров, 89).

Могут быть и прямые вопросы от автора к цитируемому тексту ученого: “К.Гаузенблас говорит: «Хотя в славянской стилистике накоплен богатый опыт исследования явлений стиля... Законченная стилистическая теория отсутствует... Необходимо выявить отличия стиля от других способов организации высказывания, коммуниката» (Означает ли это, что и стиль один из способов организации высказываний? – Б.Г.)” – (Головин, 224); и вопросы читателя к цитируемым авторам: “Но позвольте – опять спросит читатель – Как же так? Ведь любой язык... не может не знать переходные периоды (Будагов, 71); «Этого делать... нельзя – предупреждает Блумфилд. Почему же нельзя? – недоумевает читатель. А потому – отвечает читателю автор...»” (Будагов 19).

Важно то, что диалогические отношения пронизывают не только аналитические РЖ научной речи, но и информативные, а также то, что (как было отчасти видно из примеров) диалогичность широкоупотребительна и в случаях согласованных, унисонных точек зрения: “Идея необходимости совмещения в грамматическом значении обоих направлений анализа... эксплицитно была выражена уже в 1922 г. С.И.Берштейн писал: “... отправной точкой синтаксического исследования...” (Бондарко); “К этой же мысли был близок у нас А.А.Потебня. “В живых языках – писал он – разрушение старого есть вместе создание нового” (Будагов 80).

Диалог проявляется и в случаях как бы совместного с читателем решения научных вопросов. Формально здесь одно высказывание одного лица (автора), однако предполагается (планируется) ответная реакция адресата. По Бахтину же, ответная реакция, понимание – уже есть проявление диалогических отношений как сущностной черты РЖ (“само понимание уже диалогично” (300). Примеры: На рис. 10 показана схема... Попробуйте продолжить границы между потоками... Вы столкнетесь с физическим противоречием. Возможно, вы найдете ему объяснение... (Лебедев, 52).

Могут возразить, что в научных текстах нет непосредственного диалога между цитируемыми учеными, которых “выбирает” и соотносит между собой сам автор. Однако следует учесть, что в целом высказывании (вторичном РЖ) первичные высказывания, по Бахтину, преобразуются и потому диалог высказываний нельзя, по его мнению, сводить лишь к элементарному диалогу разговорной речи (реплицированию); во-вторых, диалогические отношения речевого

общения следует понимать широко (как, например, в культурологии), именно, как взаимодействие целых текстов (произведений), в том числе разных эпох, т.е. не непосредственное, о чем также писал Бахтин.

Мы не ставили своей задачей дать сколько-нибудь полный анализ диалогичности научного текста сквозь призму РЖ, а стремились лишь обратить внимание на возможность привлечения этой текстовой категории для изучения проблематики речевых жанров. Целесообразно и необходимо исследовать ФССК диалогичности в аспекте РЖ. Поскольку функции разновидностей диалогичности в научных текстах разнообразны, то по цели высказывания выделяются различные РЖ в составе целого высказывания (произведения) – РЖ сообщения (информирования), убеждения, объяснения, доказательства, дискуссии и др.; при этом с разными отношениями между субъектами речи (спор, унисон, вопрос-ответ, побуждение и др.). Задача – выявить характер трансформации первичных РЖ во вторичных и взаимосвязи первых в составе целого. Это только начало исследования.

Изучению вопроса определения первичных РЖ в составе вторичных и их функционирования в них может способствовать и анализ целого научного текста сквозь призму ФССК **гипотетичности**, представляющей не только перспективу научного исследования, но и динамику старого и нового знания – как двух (трех...) смысловых позиций, двух (трех...) высказываний, особенно явно фиксируемых в тексте при экспликации таких фаз научного познания, как проблемная ситуация, идея, гипотеза. Причем следует учесть, что эти фазы появляются в целом тексте всякий раз при переходе от рассмотрения одного частного вопроса (проблемы) к другому. Гипотеза, гипотетическое высказывание, как известно, появляется на основе анализа предшествующего знания, осознания проблемной ситуации в ходе развития той или иной научной отрасли. Эта закономерность познания отражается в определенной степени и в готовом тексте, поскольку без экспликации читателю старого знания (как опоры гипотетического и нового) затрудняется понимание научного текста, диалог с читателем.

Таким образом, при реализации ФССК гипотетичности в научном тексте выступает своеобразная форма диалога гипотетического (после доказательства – нового) авторского знания со старым, предшествующим (обобщенным или персонифицированным); при

этом гипотеза часто выступает не только в форме теоретических заключений-прогнозов, но и оценочно-методических, возникающих по ходу анализа проблемы, методов ее изучения, решения экспериментальных вопросов и др.

Не имея возможности давать анализ объемного материала, ограничимся двумя-тремя примерами:

“Высказывались не раз гипотезы о вероятном существовании в глубинах земной коры... первичных углеродных тел, иногда допускают, что первичные, карбиды... находятся в ... Усматривали признаки их существования в... скоплениях углеводородов..., наблюдаемых в связи с орогеническими движениями//Однако эти движения являются для планеты поверхностными. Проникновение их в металлическое ядро, если оно существует, гипотетично. Есть однако факты, что когениты, а может быть и другие... действительно выпадают... Однако те же карбиды находят в других месторождениях и очень возможно, что более тщательное изучение этих минералов выяснит их... существование в ... глубинных базальтах... Но даже в этом случае образование углеводородов из карбидов не может иметь значения. Мы должны считать нефти фриатическими минералами... Нефти не могут содержать... ювенильных углеводородов” (Вернадский, 99-100).

Здесь констатация старого знания сменяется (за знаком //) авторским аналитическим рассуждением, а затем высказыванием гипотезы (сначала в предположительном плане, а далее с уверенностью: утверждением нового знания. – Маркеры гипотезы даны курсивом). Еще пример:

“До 70-х гг. XIX в. не было физиологии больших полушарий. Затем опыты Фрича и Гитца... Предмет уточнен...//Почему исследование уперлось как бы в угол? Какая этому причина? Причина есть и очень ясная и заключается она в том, что та деятельность, которая производится большими полушариями, рассматривается не с той точки зрения... Эта деятельность получила название особой психической деятельности... Отсюда положение физиолога получилось... своеобразным и затруднительным. Как же быть физиологу? Может быть, вопрос надо решать так, что физиолог должен заниматься психологическими методами. Но здесь... осложнение... Физиология опирается на точные науки. Но раз так, то для физиолога нет расчета обращения к психологии... естественно

ждать, что не психология должна помогать физиологии, а наоборот – физиологическое изучение... должно лечь в основание ... анализа субъективного мира человека... Можно надеяться, что... более сложные акты организма... будут скоро приурочены к простой рефлекторной деятельности части головного мозга...” (Павлов, 365-367); и здесь за сообщением содержания предшествующего знания (за знаком //) идет авторский анализ проблемной ситуации с постановкой проблемных вопросов и допущениями в ходе рассуждения, а затем формулируется предположение с известной долей уверенности в истинности своего решения.

Последний пример: “... тиугольная кислота и производные муравьиной кислоты играют очень важную роль в химических явлениях земной коры.”

Возможно, что окись углерода в значительной части независима в своем генезисе от углекислоты” (Вернадский, 93).

Как видим, после высказывания-старого знания следует частное авторское предположение.

Таким образом, внешне монологический авторский текст научного сочинения по существу членится на “диалог” (унисонный, не соглашающийся, спорящий и т.д.) высказываний в различных жанровых формах: сообщения (информативной), критической оценки и анализа (рецензионный), дискуссии, доказательства и др. Однако фиксирование при этом взаимодействия диалогических отношений “общения” старого и нового знания (в процессе по сути коллективного решения научных проблем) не всегда сопряжено с четким обозначением отдельных “реплик” говорящих. Нередко это представлено в научном тексте по принципу “матрешки”. Задача исследователя РЖ разобраться в структуре научного текста в аспекте фиксации в нем различных жанровых форм и их взаимодействиях и пересечениях.

Именно в подобном плане, очевидно, представлял М.М.Бахтин анализ диалогичности высказываний в целом тексте, когда писал: “Диалогические отношения носят специфический характер: они не могут быть сведены ни к чисто логическим... ни к чисто лингвистическим (композиционно-синтаксическим). Они возможны только между целыми высказываниями разных речевых субъектов” (296); “Здесь встречаются целостные позиции, целостные личности..., голоса” (300); “Диалогические отношения, конечно, отнюдь не

совпадают с отношениями между репликами реального диалога – они гораздо шире, разнообразнее и сложнее” (303).

Правда, подобного рода анализ целого текста М.М.Бахтин выводит за пределы чистой лингвистики: “лингвистика имеет дело с текстом, но не с произведением” (302), поэтому проблема изучения диалогических отношений “не сводится”, по Бахтину, к лингвистической (см. 303); “Диалогические отношения между высказываниями... относятся к металингвистике. Они в корне отличны от всех возможных лингвистических отношений элементов как в системе языка, так и в отдельном высказывании” (293); “Предметом лингвистики является только материал, только средства речевого общения, но не самое речевое общение, не высказывания по существу и не отношения между ними (диалогические), не формы речевого общения и не речевые жанры” (297). И это потому, что, по Бахтину: “Целое высказывание – это уже не единица языка..., а единица речевого общения, имеющая не значение, а смысл...: требующий ответного понимания” (305); “между языковыми единицами на уровне языка не может быть диалогических отношений” (304).

С точки зрения структуры, строя языка это верно, но лишь с этой узкой точки зрения. Однако развитие языкознания в последние десятилетия и годы все более направлено, как известно, в сторону коммуникативно-функциональной лингвистики, в сферу экстралингвистических междисциплинарных исследований, к которым и относятся проблемы речевого общения, в том числе жанроведение. Симптоматично в этом плане появление “междисциплинарного направления жанроведения, опирающегося... на категорию первичных и вторичных речевых жанров”, которое “может быть названо... термином антропологическая лингвистика, социокоммуникативная стилистика” (Дементьев, 1998: 29).

Характерно, что, очевидно, именно подобный подход к изучению РЖ прогнозировал М.М.Бахтин, когда писал, что “не нужно думать, что это всеобъемлющая и многограннейшая реальность может быть предметом только одной науки – лингвистики и может быть понята только лингвистическими методами” (297). Заметим: при понимании лингвистики в узком смысле. Расширение же объекта исследований, в том числе – изучение речевого общения, естественно обуславливает выход к междисциплинарному подходу, что закономерно вытекает из проблематики речевых жанров в концепции М.М.Бахтина.

К этому, намеченному еще в общем плане М.Бахтиным, аспекту исследований примыкают и проблемы интертекстуальности, изучения интертекстов, метатекстов, прецедентных текстов, субтекстов и других крупных текстовых единиц в плане взаимодействия текста в тексте.

Одной из проблем, подводящей к решению вопроса о функционировании РЖ в научных текстах, является – наряду с другими – проблема интертекстуальности. Исследуемая обычно на материале художественных произведений (Р.Барт, Ю.Кристева, Ю.Лотман и др.), она в последнее время начала изучаться и на материале научных текстов прежде всего вторичных – рецензий (В.Е.Чернявская 1996, Е.С.Троянская 1985), жанре, который заведомо предполагает анализ диалогичности (двух- и трехсторонней). И, конечно, последняя имеется в виду в названных работах. Однако собственно жанроведческие – в указанном бахтинском ключе – исследования интертекстуальности нам не известны, хотя именно последний аспект открывает широкое поле деятельности для изучения проблемы взаимодействия первичных и вторичных РЖ и – шире – вообще взаимодействия (диалога) целых текстов (произведений) в глобальном континуме текстов, лингвокультуроведческий аспект которого представлен Ю.М.Лотманом (1981). Пока же авторы ставят перед собой другие (бесспорно, в общем, актуальные) задачи: изучение типологических особенностей вторичных текстов в плане текстообразования, композиционно-стилистических функций структурных компонентов текста, их логико-смысловых связей и др.

Интересна работа Е.А.Баженовой, в которой интертекстуальность рассматривается уже и на ядерных жанрах научной литературы – монографии и статьи. Автор исходит из закономерного положения о свойственности диалога вообще науке, научному познанию, творчеству. Отсюда “каждый научный текст включается в систему отношений с другими текстами”. При этом “диалогичность познания эксплицируется в структуре готового текста”. Рабочей единицей анализа выступает субтекст как часть целого текста, обладающая коммуникативной установкой и имеющая свой референт. Поскольку автор сосредоточивает внимание на смысловой стороне научного текста, то этим референтом выступает определенный фрагмент эпистемической ситуации. Е.А.Баженовой разработана иерархическая многоуровневая модель макротекста (в смысле – целого текста), совмещающая линейную и объемную его организацию. В этой модели

представлены разные виды диалогических отношений субтекстов, правда, на наш взгляд пока недостаточно эксплицированные и акцентированные. Однако важно, что в принципе такой аспект интертекстуальности позволяет далее ставить вопрос о диалоге высказываний, о их жанровой форме, о возможных принципах определения первичных РЖ, их взаимосвязях и функционировании в структуре вторичных РЖ (целых текстах) применительно к научной сфере общения.

Относятся ли к высказываниям и первичным РЖ в рамках вторичных (целых текстов, произведений) другие текстовые единицы – СФЕ, ССЦ и абзац – нередко называемые в качестве РЖ? Скорее всего – нет. Во всяком случае критерии их определения и выделения в лингвистике текста собственно логико-грамматические и смысловые, но без учета важнейшего бахтинского критерия высказывания – смены субъектов речи, реализации диалогических отношений общения (хотя известны сопоставления СФЕ с высказыванием и привлечение при этом прагматического аспекта, но не в указанном бахтинском смысле). Это лишний раз подтверждает грамматический статус лингвистики текста, в отличие от стилистики текста, а затронутый вопрос, очевидно, требует дальнейшего рассмотрения. Вне жанроведческого подхода и первичных и вторичных РЖ как единиц речевого общения, по-видимому, оказываются и такие текстовые единицы как коммуникативные блоки (К-блоки), ком. приемы – неоднозначно, правда, определяемые и называемые (ср. например, Е.М.Крижановская, 1996, Н.М.Лариохина, 1985, В.А.Портянников, 1983), поскольку они определяются на основе содержатель-но-смысловых и композиционных критериев и отражают “более частные коммуникативно-познавательные действия” (Крижановская, 1996: 328). Здесь, как видим, опять таки нет речи о диалогичности речевого общения и “привязки” К-блока к факту смены речевых субъектов.

Правда, в последнем случае, как видим, исследуемая текстовая единица связывается с коммуникативно-познавательным действием и у некоторых авторов представлен прагматический аспект (Портянников 1983). И тем не менее по указанной причине эти единицы нельзя – с точки зрения концепции М.Бахтина – назвать единицами речевого общения, а именно высказываниями и РЖ. Их скорее можно соотнести с речевыми актами, как раз и представляющими собой речевые (и когнитивные) действия.

Как видим, именно основной, по М.Бахтину, признак высказывания и РЖ, определяющий их границы – диалогичность и смена субъектов речи – отличает бахтинскую концепцию РЖ от ТРА и тем самым, очевидно, препятствует отождествлению РЖ с РА. Во всяком случае является лишним аргументом в пользу последнего утверждения. Вопрос о соотношении этих понятий (и единиц), актуальный для жанроведения и – шире – речеведения требует дальнейших рассмотрений (о соотношении РЖ и РА см. А.Вежицка 1997, М.Кожина 1999, Т.Шмелева 1997). По-видимому, неоднозначность его решения в какой-то степени зависит от того, интерпретируются ли бахтинские работы с позиций ТРА или речевого общения как нового направления лингвистической науки с учетом “человеческого фактора”.

Недавно начатый анализ научных текстов, исследующих динамику коммуникативно-познавательных действий в процессе развертывания текста и осуществляемый в аспекте бахтинских идей, весьма интересен и продуктивен (В.А.Салимовский 1997, 1998). В работах рассматривается проблема развертывания авторского замысла и целеполагания в различных видах текстовой деятельности, соотношение содержательно-смысловой и стилистико-речевой системности РЖ. Методической установкой при изучении РЖ научной сферы берется типовая целеустановка, характер коммуникативно-познавательной цели, которая затем может модифицироваться в зависимости от наличия дополнительной целеустановки. На примере анализа “внутритекстового” РЖ – в частности, постановочного текста – выделяются и анализируются группы типовых познавательно-речевых действий, которые можно ассоциировать с РА. В результате исследования автор приходит к правомерному выводу о том, что “внимание к жанровым разновидностям научного текста как результату коммуникативно ориентированной реализации различных участков генетической структуры научно-познавательного процесса органично объединяет стилистическую и генологическую проблематику” (Салимовский 1997: 297-298). При анализе материала, правда, по нашему мнению, следовало бы более эксплицировать аспект диалогичности, присутствующий в примерах.

Между прочим, это исследование наводит на мысль, что целое высказывание (произведение) как вторичный РЖ, очевидно, включает в себя и первичные РЖ, и РА. Таким образом, конкретные наблюдения

дают аргумент для утверждения, что в тексте (речь пока о научном) налицо и РА как элементарные речевые единицы, и РЖ как более сложные, то есть соответствующие им термины-понятия, по-видимому, стоит развести. Хотя на этом, конечно, точки над “и” ставит рано.

Итак, проблема соотношения жанра и стиля остается актуальной и перспективной на будущее. Далеко не все в ней исследовано. А одной из первоочередных задач, на наш взгляд, является изучение вопросов конкретного определения границ первичных РЖ в структуре вторичных (целых высказываний) на материале нехудожественных текстов различных сфер общения и деятельности – причем именно в аспекте бахтинских признаков высказывания, то есть как единиц диалогического речевого общения, конституируемых сменой речевых субъектов. Мы попытались наметить возможные аспекты изучения этой проблемы (и обобщить первые опыты) относительно научной сферы общения. Необходимы дальнейшие специальные исследования этой актуальной проблемы.

Цитируемые источники (научные тексты)

- Бондарко А.В., 1984, *Функциональная грамматика*, Ленинград.
 Будагов Р.А., 1977, *Что такое развитие и совершенствование языка?* Москва.
 Вернадский В.И., 1967, *Биосфера*, Москва.
 Березин Ф.М., Головин Б.Н., 1979, *Общее языкознание*, Москва.
 Лебедев В.Л., Айзатулин Т.А., Хайлов К.М., 1974, *Океан как динамическая система*, Ленинград.
 Павлов И.П., 1954, *Избранные труды*, Москва.
 Серебренников Б.А., 1983, *О материалистическом подходе к явлениям языка*, Москва.
 Сидоров Е.В., 1987, *Проблемы речевой системности*, Москва.
 Шептулин А.П., 1967, *Система категорий диалектики*, Москва.

Литература

- Античные риторики*, 1978, Москва.
Античные теории языка и стиля (антология текстов), 1996, Санкт-Петербург.

- Арутюнова Н.Д., 1981, *Фактор адресата*, Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., т. 40, № 4, Москва.
- Баженова Е.А., 1999, *Интертекстуальность научного текста. – Текст как объект многоаспектного исследования. С.-Петербург – Ставрополь: изд-во СГУ, Ставрополь.*
- Бахтин М.М., 1979, *Эстетика словесного творчества*, Москва.
- Бахтин под маской, 1993, Медведев П.Н., *Формальный метод в литературоведении*, Москва.
- Безменова Н.А., 1989, *Проблемы формирования основного фонда понятий лингвистической стилистики в парадигме риторики. – Проблемы современной стилистики, ИНИОН, Москва.*
- Безменова Н.А., 1991, *Очерки по теории и истории риторики*. Москва.
- Вежицка А., 1997, *Речевые жанры. – Жанры речи*, Саратов.
- Виноградов В.В., 1955, *Итоги обсуждения вопросов стилистики*, Вопросы языкознания, № 1, Москва.
- Гавранек Б., 1967, *О функциональном расслоении литературного языка. – Пражский лингвистический кружок*, Москва.
- Гайда Ст., 1986, *Проблемы жанра. – Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация*, Пермь.
- Гайда Ст., 1992, *Стилистика и генология. – Статус стилистики в современном языкознании*, Пермь.
- Гаузенблас К., 1967, *К уточнению понятия “стиль” и к вопросу об объеме стилистического исследования*, Вопросы языкознания, № 5, Москва.
- Городецкий Б.Ю., 1986, *От редактора. – Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII, Москва.
- Данилевская Н.В., 1992, *Вариативные повторы как средство развертывания научного текста*, Пермь.
- Дементьев В.В., Седов К.Ф., 1998, *Социопрагматический аспект теории речевых жанров*, Саратов.
- Кожина М.Н., 1986, *Диалогичность письменной научной речи*, Пермь.
- Кожина М.Н., 1987, *О функциональных семанτικο-стилистических категориях*, Филологические науки, № 2, Москва.
- Кожина М.Н., 1993, *Стилистика русского языка*, Москва.
- Кожина М.Н., 1999, *Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы). – Жанры речи*, Саратов.
- Кожин В., 1964, *Жанр. – Краткая литературная энциклопедия, т. 2*, Москва.
- Краус Й., 1986, *К общим вопросам речевых стилей и жанрово-стилистических классификаций. – Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация*, Пермь.
- Крижановская Е.М., 1996, *Коммуникативный блок как единица смысловой структуры научного текста. – Очерки истории научного стиля русского*

- литературного языка XVIII-XX вв. Т. II, ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры), Пермь.
- Лариохина Н.М., 1985, *Об использовании типового научного текста в обучении русскому языку специалистов-нефилологов*, Русский язык за рубежом, № 3, Москва.
- Лотман Ю.М., 1981, *Текст в тексте. – Текст в тексте. Труды по знаковым системам. Вып. 14*, Тарту.
- Матвеева Т.В., 1990, *Функциональные стили в аспекте текстовых категорий*, Свердловск.
- Ожегов С.И., 1952, *Словарь русского языка*, Москва.
- Остин Дж.Л., 1986, *Слово как действие. – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII*, Москва.
- Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Т. 2. Стилистика научного текста. Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект, 1998, Пермь.
- Педагогическое речеведение. Словарь-справочник, 1998, Москва.
- Портянников В.А., 1983, *Коммуникативно-функциональный анализ текста. – Нормы реализации. Варьирование языковых средств*, Горький.
- Поспелов Г., 1939, *Стиль. – Литературная энциклопедия, т. 11*, Москва.
- Салимовский В.А., 1997, *Функционально-смысловое и стилистико-речевое варьирование научного текста*, Stylistyka-VI.
- Салимовский В.А., 1998, *Речевые жанры научного эмпирического текста. – Текст: стереотип и творчество*, Пермь.
- Серль Дж.Р., 1986, *Что такое речевой акт? – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII*, Москва.
- Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 4, 1955. Изд-во АН СССР, Москва-Ленинград.
- Троянская Е.С., 1985, *Научное произведение в оценке автора рецензии. – Научная литература, язык, стиль, жанры*, Москва.
- Франк Д., 1986, *Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике. – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII*, Москва.
- Цейтлин А., 1930, *Жанры. – Литературная энциклопедия. Т. 4. Изд-во Ком. Академии*, Москва.
- Чернявская В.Е., 1996, *Интертекстуальность как текстообразующая категория вторичного текста в научной коммуникации (на материале немецких научно-критических текстов рецензий)*, Ульяновск.
- Шмелева Т.В., 1997, *Речевые жанры: первый опыт описания. – Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 2*, Красноярск-Ачинск.
- Gajda S., 1995, *Styl i stylistyka. Zagadnienia ogólne. – Przewodnik po stylistyce polskiej*, red. S. Gajda, Opole.
- Kraus J., 1981, *Retorika v dejinach jazykove komunikace*, Praha.

Style and Genre: The Historical Changeability of the Concepts and Their Mutual Relations

The paper deals with the meaning of the concepts "Style" and "Genre" in various theories and in history as well as with their mutual relations.